

ВАСИЛЕВСКАЯ Юлия Александровна (Минск, Беларусь)

Белорусский государственный медицинский университет
Korolevskaya_julia@mail.ru

ОБ ИМПЛИЦИТНОЙ МОДАЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ БЕЗЛИЧНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Аннотация. Статья посвящена анализу имплицитной модальной семантики, заложенной в некоторых типах безличных конструкций. Материалом для анализа послужили поэтические тексты О. Мандельштама и Б. Окуджавы.

Как известно, в художественной речи слово обретает особую емкость и глубину смысла, выражающие многослойность поэтического образа. Еще в середине XX века академик В.В. Виноградов подчеркивал: «Смысл слова в художественном произведении никогда не ограничен его прямым номинативно-предметным значением. Буквальное значение слова здесь обрастает новыми, иными смыслами...» [2:230]. Таким образом, к основному значению слова в поэтической речи прибавляются новые семантические наложения, часто скрытые в подтексте.

Цель настоящей статьи – выявить имплицитную модальную семантику безличных конструкций в коммуникативной структуре поэтических текстов. Материалом для исследования послужили лирические произведения О. Мандельштама и Б. Окуджавы.

Предпринятый нами анализ функционально-семантического микрополя безличности показал, что в поэтическом тексте наряду с эксплицитно выраженными смыслами часто обнаруживается присутствие имплицитных, скрытых фрагментов информации, а именно: в некоторых безличных конструкциях при структурно-

семантическом развёртывании текста обнаруживается значение модальности.

Особенно широко имплицитная семантика модальности представлена в особом типе безличных предложений с предикатом, выраженным инфинитивом, – конструкциях, не включающих в свой состав модальных слов, но семантически ориентированных на модальные категории необходимости и невозможности. А. Вежбицкая выделяет несколько типов таких инфинитивных конструкций. Одни из них передают значение ‘беспомощного хотения’, другие – значение ‘бессильного желания или неосознанного предчувствия’, третьи – ‘обязанности’, четвертые говорят о бесплодных раскаяниях или сожалениях, пятые – о необходимости. Данные конструкции исследователь разделила на четыре класса в соответствии с четырьмя модальными значениями: ‘я хочу’, ‘было бы хорошо / плохо’, ‘мне следовало бы’, ‘я обязан/должен’ [1:60].

В поэтических текстах О. Мандельштама и Б. Окуджавы модальная семантика инфинитивных конструкций представлена шире. Вместе с семантическими классами, предложенными А. Вежбицкой, в исследованном нами материале можно выделить структуры с семантикой желательности/нежелательности действия, необходимости/отсутствия необходимости действия, долженствования, возможности/невозможности действия, непреднамеренности и запрета действия.

1. Желательность/нежелательность действия

*О, если бы **поднять** фонарь на длинной палке, / С собакой впереди **идти** под солью звезд / И с петухом в горшке **прийти** на двор к*

гадалке. / А белый снег до боли очи ест. (О. Мандельштам)
Инфинитивы в сочетании с частицей *бы* выражают значение желательности действия, хотя вся конструкция в целом эксплицирует сожаление автора о невозможности реализации в настоящий момент названных инфинитивами действий.

Значение нежелательности действия, выражаемое инфинитивными конструкциями, было обнаружено только в поэтических текстах Б. Окуджавы: *Где-нибудь на остановке конечной / Скажем спасибо и этой судьбе, / Но из грехов нашей родины вечной / **Не сотворить** бы кумира себе.* (Б. Окуджава). Добавление к конструкции *инфинитив + бы* отрицательной частицы *не* актуализирует в тексте новые смыслы. Лирический герой не желает, опасается совершения действия, отсюда контекстуально обусловленные значения долженствования и внутреннего запрета: «ты должен не позволить себе сотворить кумира».

2. Необходимость действия/отсутствие необходимости действия

Ср. контексты: *-Натasha, как писать: "балда"?* / *- Когда идут на бал, - то: "да!"* (О. Мандельштам); *Можно вспомнитьопять (ах, зачем вспоминать?), / Как ходили гулять по Фонтанке* (Б. Окуджава). Очевидно, что в первом случае опущена лексема *нужно/надо*, выражающая значение необходимости, во втором – *нужно/не надо* вспоминать.

3. Долженствование

*Я с дымящей лучиной вхожу /Как шестипалой неправде в избу: / Дай-ка я на тебя погляжу – / ведь **лежать** мне в сосновом гробу!* (О. Мандельштам). Автор использует лаконичную конструкцию *инфинитив + датив*, заключающую в себе смысл грамматически

более громоздкой и недостаточно выразительной конструкции «ведь я все равно должен буду лежать в сосновом гробу». Б. Окуджава также использует сочетание инфинитива и субъекта, на которого направлено действие, в форме дательного падежа, чтобы подчеркнуть неизбежность обязанностей: *Что ни случись: потоп, землетрясение, / январский холод, листопад осенний – / А им висеть. Они пригвождены* (Б. Окуджава).

4. Возможность/невозможность действия

Как удержать напрасное веселье, / Румянец твой, о нежная чума? (О. Мандельштам). Пример интересен сочетанием модальных значений – возможности (основное значение) и желательности. Лирический герой желает удержать веселье и румянец и в то же время выражает сомнение: возможно ли их удержать? Ср.: *Здесь словно годы дни, / А там в окне – огни / горят, не позабытые в походах... / Когда б вам знать, / Как мне нужны они – / четыре года, четыре года!* (Б. Окуджава). Сослагательное наклонение в данном случае служит выражением двух модальных значений: с одной стороны, лирический герой хотел бы, чтобы вымышленная ситуация существовала в реальном мире (значение желательности), с другой стороны – «когда б вам знать» трансформируется в «если бы вы могли знать», где заложено значение возможности.

5. Непреднамеренность действия

В Познани и Польше не всем воевать – / Своими глазами врага увидеть: / и, слушая ядер губительный хор, / Сорвать с неприятеля гордый убор! (О. Мандельштам) При прочтении явно ощущается опущенная лексема «суждено», привносящая в контекст значение непреднамеренности. Воевать, увидеть врага, сорвать с неприятеля гордый убор – события, возникающие в жизни человека

под влиянием высших сил. В другом примере: *А всё ведь та музыка удалая, / Мелодии знакомой благодать / Послышится, свиданье отдаляя, / Сближая с тем, чего не миновать* (Б. Окуджава) – в инфинитивной конструкции тесно переплетаются значения непреднамеренности действия и невозможности уйти от предначертанного судьбой. Однако значение невозможности является вторичным: оно становится результатом подчинения человека силе судьбы, рока.

6. Запрет действия

Модальное значение запрета отмечено нами только в поэтических текстах О. Мандельштама, у Б. Окуджавы – отсутствует вовсе. *Чур, не просить, не жаловаться! Цыц! / Не хныкать – / Для того ли разночинцы / рас-сохлые топтали сапоги, чтоб я теперь их предал?* (О. Мандельштам). Выбранная автором форма императива в сочетании с междометиями реализует модальное значение запрета, то есть лирический герой запрещает просить, жаловаться и хныкать.

Вторую группу безличных конструкций, в которых имплицитно заложена модальная семантика, представляют конструкции с кратким причастием. О. Мандельштам и Б. Окуджава выбирают причастия со значением результативного состояния, не зависящего от воли человека, обусловленного и predeterminedного свыше: 'суждено', 'даровано', 'дано', 'назначено'. Ряд кратких причастий в безличном употреблении выражает модальные значения возможности и необходимости действия: *Иных богов не надо славить:/ они как равные с тобой, / и, осторожною рукой, /позволено их переставить* (О. Мандельштам, «Камень»). В данном случае модальность возможности заложена имплицитно.

Фактически, лирическому герою 'разрешается переставить богов'. Однако разрешение было дано некими высшими, неизвестными нам силами. *За лесом - божий мир: Россия, Заграница / – на перекрестке том, где **быть** им **суждено*** (Б. Окуджава, «Скрипят на новый лад все перья золотые...»). '*Быть суждено*' – объективная необходимость, связанная с судьбой, предназначением и зависящая от обстоятельств, которые находятся вне сферы человеческого влияния.

В безличных конструкциях с предикатом – субстантивной формой безличности также отмечено возникновение имплицитной модальной семантики. Среди субстантивных форм безличности исследователи выделяют безличные формы, соотносимые с однокоренными адъективными предикативами (*досада – досадно, грусть – грустно, скука - скучно*), и формы, которые не соотносятся с однокоренными адъективными предикативами, но характеризуются безличной семантикой. Имя существительное, склонное к развитию качественных значений, в функции сказуемого приобретает не только новые грамматические свойства, но и новые лексические оттенки. В поэзии О. Мандельштама и Б. Окуджавы субстантивные формы безличности представлены лексемами *труд, беда, пора, горе, охота: Бесчинствуйте, кому охота! / А у меня одна забота: / туда отправиться скорей, / где тянется от косогора боярышник "Пастушья шпора" / рукой своей к слезе моей* (Б. Окуджава, «Пастушья шпора»). Безличная конструкция в данном контексте выражает модально-волевые импульсы поведения человека: '*кому охота*' трансформируется в 'кто желает'. Следует также отметить, что индивидуально-авторской чертой поэзии Б. Окуджавы является высокочастотное использование

конструкции *пора* + *инфинитив*: *Питер парится. Пора парочкам пускаться в поиск /по проспектам полочным за прохладой. Может быть,/ им пора поторопиться в петергофский первый поезд,/ пекло потное покинуть, на перроне позабыть* (Б. Окуджава, «Зной»). При помощи конструкции *пора* + *инфинитив* автор создает коммуникативные ситуации, в которых говорится о необходимости действия с точки зрения времени его совершения.

Имплицитная модальная семантика была обнаружена нами в безличных конструкциях с кратким прилагательным в функции предиката. О. Мандельштам и Б. Окуджава используют краткие прилагательные *видно, слышно*, выражающее зрительное и слуховое восприятие: *Мы в легионы боевые /связали ласточек -- и вот / не видно солнца; вся стихия / щебечет, движется, живет; / сквозь сети - сумерки густы – / не видно солнца, и земля плывет* (О. Мандельштам, «Сумерки свободы»). В данном контексте представлены не только состояние окружающей среды, но и имплицитно заложенная модальность невозможности (*не видно солнца* = мы не можем увидеть солнца). Ср.: *Они перышки макают в облака и молоко, / чтобы белые их строчки было видно далеко, / и в затылках дружно чешут, каждый лапкой шевелит, / но заглядывать в работу один другому не велит* (Б. Окуджава, «О кузнечиках»). Модальное значение возможности не выражено эксплицитно, но оно появляется при семантическом развертывании: *'чтобы белые строчки можно было увидеть издалека'*.

Итак, анализ безличных конструкций, включённых в поэтические тексты О. Мандельштама и Б. Окуджавы, свидетельствует о том, что семантика языковых средств,

формирующих функционально-семантическое микрополе безличности в системе русского языка, в контексте обрастает дополнительными смыслами (желательности/нежелательности действия, необходимости/отсутствия необходимости действия, долженствования, возможности/невозможности действия, непреднамеренности и запрета действия), которые обнаруживаются при структурно-семантическом развёртывании текста. Смысловая неопределенность в поэтическом тексте расширяет границы его интерпретации и создает гармонию эмоциональных переживаний автора и читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / Отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. – М.: Рус. слов., 1996.
2. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М., 1959.